

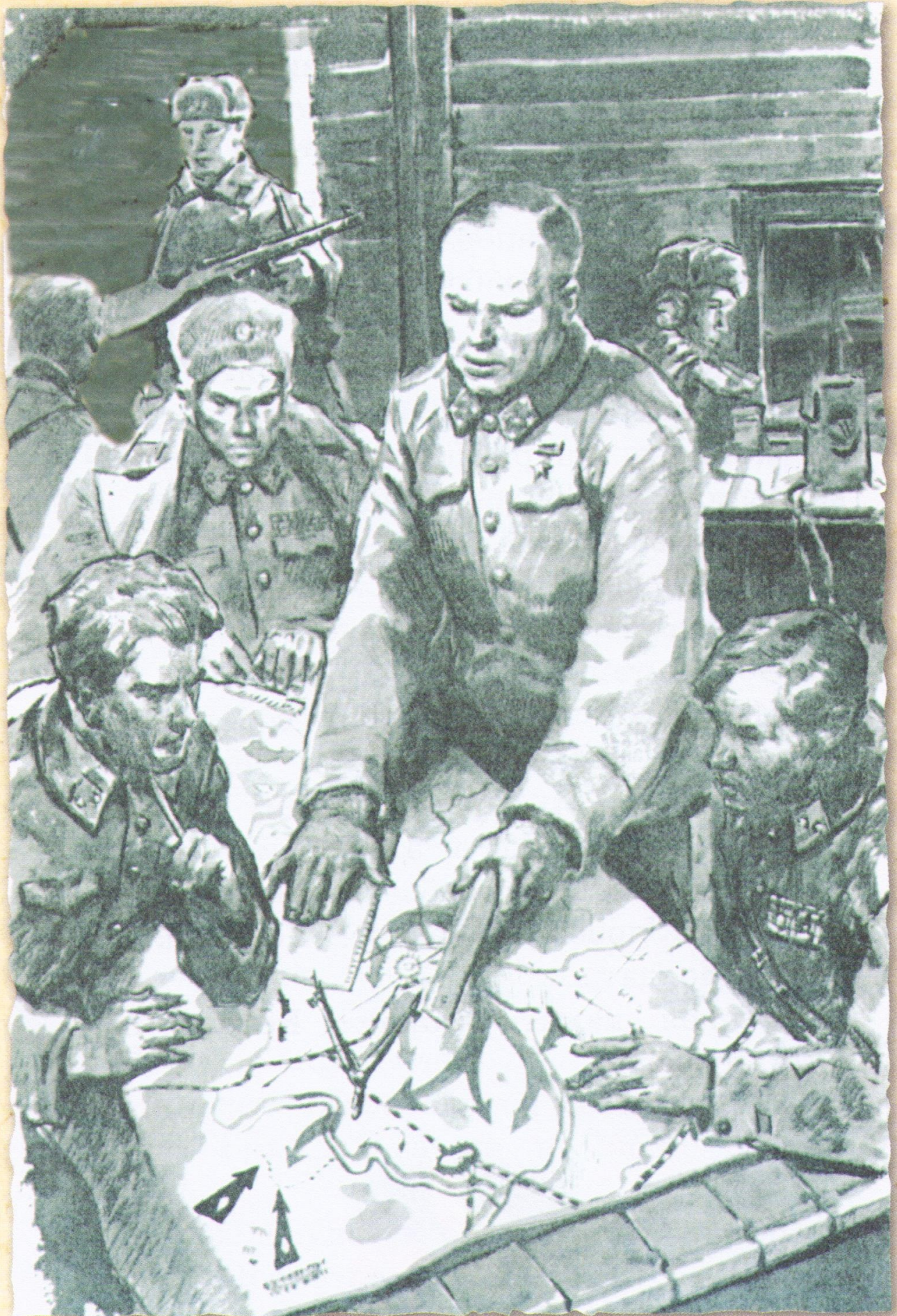
Валерий Воскобойников

Маршал Жуков

Сын найдёныша

Бабушка маршала Жукова, возможно, слушала по радио и читала в газетах про своего прославленного внука. Но только об этом не догадывалась. А всё потому, что оставила своего новорожденного ребёнка на крыльце приюта в корзинке, никогда больше его не видела и не знала, что ребёнок её стал отцом знаменитого человека.

В корзинке среди тряпья была записка: «Зовите сына моего Константином». Подброшенное дитя выносили и в два года передали бездетной вдове Аннушке

Жуковой. Аннушка и дала ему свою фамилию. Жила она в деревне Стрелковка в старой скособочившейся избушке, которая давно не видела умелой мужской руки.

— Подрастёшь — избу и выправишь, — любила повторять Аннушка. Но только прожила она недолго и через шесть лет скончалась.

Так восьмилетний Костя Жуков во второй раз оказался никому не нужным. Согласился взять его в ученики сапожник из соседнего села. Мастерству он почти не учил, чаще посылал пасти коз да корову. В одиннадцать лет Константин ушёл из деревни в Москву и определился в настоящую сапожную мастерскую. Изучив сапожное дело, вернулся в свой дом, проветрил его, отмыл, слегка подправил и привёл жену из деревни с неказистым названием Чёрная Грязь. Жену звали Устинья Артемьевна. Была она бедна, не очень молода, но зато обладала могучей силой — легко таскала восьмидесятикилограммовые мешки с зерном. Сначала у них родилась девочка, а 1 декабря 1896 года родился мальчик, которого называли Георгием.

Многие крестьяне в России жили бедно. Урожаи порой вырастали никудышные. В ту зиму, когда Георгию было пять лет, а его сестре Маше шесть с половиной, почти всё, что было припасено с урожая, закончилось раньше Рождества. Отец был в Москве на заработках. Мать занималась хозяйством, а дети сидели с годовалым братишкой.

— Вот что я решила, — сказала мать, пересчитав остатки запасов в погребе, — надо и мне идти на заработки. Иначе умрём с голоду. Оставляю на вас младшего брата и скотину. Вы у меня умные, как-нибудь справитесь, а я завтра уйду. — Рано утром Устинья Артемьевна обняла их на прощание, вытерла слёзы и отправилась в город.

То была трудная зима для многих, но им удалось её пережить. А через два года Георгия записали в школу. Буквы он успел заранее выучить, вместе с сестрой, которая пошла туда на год раньше. Школа была в соседней деревне, в простой избе, там собирались дети из окрестных селений, и учил их сын деревенского священника. Многие пропускали

занятия: у кого не было обуви или одежды, а кто и просто ленился.

— У нас и отец читать не умеет, и мать, а ничего — живём, — говорили некоторые.

Но Георгий не пропустил урока ни разу. Иногда он один сидел в избе напротив учителя. И они свободно разговаривали: учитель рассказывал о том, что Георгию было интересно. А интересно ему было всё: и кто такой Александр Македонский, и где воевали Суворов с Кутузовым.

— Мне бы таким стать, как Суворов с Кутузовым! — говорил Георгий. — Я бы всех врагов разгромил!

— Ты уж чего попроще желай! — с улыбкой отвечал учитель. — Суворовым с Кутузовым тебе не быть, а школу закончишь, езжай в город дальше учиться. Может быть, тоже учителем станешь.

Георгий закончил три класса церковно-приходской школы с похвальным листом, и в честь этого события мама подарила ему новую рубаху, а отец сшил для него сапоги.

— Ты, сынок, какому ремеслу думаешь учиться? Как-никак одиннадцать лет.

— А я брата своего попрошу, Михаила, — предложила мать. — У него в Москве скорняжная мастерская. Если возьмёт к себе, будешь, сынок, шить меха. Они, скорняки, говорят, хорошо зарабатывают.

На том и кончился разговор о выборе профессии.

Учение в мастерской

Георгий с трудом привыкал к новой жизни в Москве. Он стеснялся своих заплатанных штанов, заношенной мятой серой кепки.

— Ты не горюй! Бить тебя тут будет каждый, — успокаивал его старший мальчик, когда один из мастеров в первый же день ни за что ни про что сильно ударил Георгия кулаком. — Такой уж порядок. Бьют, а ты терпи. На четвёртый год сам станешь мастером, сам будешь бить. Только не зверствуй.

Старшему мальчику было пятнадцать лет. А Георгию — двенадцать. Всего мальчиков было четверо. Каждый год хозяин брал по одному новому, а старший становился мастером. На младшем мальчике была вся тяжёлая и грязная

работа, и таким младшим стал Георгий Жуков.

Мастера начинали работу в семь утра, а Георгия поднимали в шесть. Быстро умывшись, он готовил для них рабочие места. Потом убирал в квартире хозяев, которая была в том же доме, чистил их одежду и обувь, подливал масло в лампы перед иконами, чистил самовар и, если не было других поручений, отправлялся к мастеру, надевал на палец напёрсток, совывал нитку в иглу и сшивал мех. Рабочий день заканчивался в семь вечера. А если работы было много, то и мастера, и ученики трудились до полуночи. После работы ученики готовили всё для завтрашнего дня, а Георгий ещё и протирал в мастерской пол. Потом вместе с другими учениками он ложился спать на том же полу. И так проходил день за днём.

Старший мальчик был прав: к Рождеству Георгий почувствовал, что начал привыкать. Уже и ошибок в работе стало меньше, поэтому и мастера реже били. Через год появился ещё один ученик, и теперь уже Георгий его утешал.

Сам же он очень хотел учиться. У хозяйского сына попросил учебники по математике, русскому языку и истории. И ночью при единственной тусклой лампаде в прихожей стал по ним заниматься. Однажды он так увлёкся, что не слышал, как подкрался хозяин.

— Вот кто у нас керосин жжёт! — проговорил хозяин, положив тяжёлую ладонь на учебник. — Никак грамотным хочешь стать?

Георгий испуганно молчал. Но хозяин почесал в затылке, а потом вдруг спросил:

— Боишься? Это хорошо, что боишься. Ладно, парень ты старательный. Учись, если так желаешь. Разрешаю. Но чтоб работе твоё учение не мешало!

Через несколько месяцев Георгию удалось сделать то, что никто ещё в мастерской не совершал. Он уговорил хозяина, и тот стал отпускать его на вечерние образовательные курсы. Весь день Георгий работал в мастерской так, чтобы мастера были им довольны, а в вечерних сумерках бежал с тетрадями в холщовой сумке на курсы.

Экзамены он сдал досрочно, и притом на «отлично».

А ещё через год кончилось и ученичество в мастерской. Теперь он сам сделался молодым мастером. И даже получил отпуск на десять дней, чтобы навестить родителей. В новом пиджаке, подаренном хозяином, в новых сапогах, он приехал в родную деревню. И неожиданно обнаружил, как состарились за несколько лет его мать и отец, стали ниже ростом. И лишь сестра Маша выросла в настоящую невесту.

— А я уж думала, умру, не увидев тебя, — плача от радости, сказала мать.

Для каждого у Георгия были припасены гостинцы. Матери и сестре привёз он из города по красивой шали, отцу — новую рубаху, а для всех — сахар, китайский чай, конфеты. В бедной русской деревне это было роскошным угощением. А уж когда он вручил отцу серебряный рубль, а матери — целых три, она снова заплакала от радости.

И отец почти повторил её слова:

— Хорошо, что я дожил. Теперь я спокоен: ты у нас самостоятельный, взрослый.

Став мастером, Георгий снял за три рубля комнату у пожилой вдовы с дочкой

и зажил независимой жизнью. Он работал в той же мастерской, получал неплохой заработок, а хозяин, который чаще теперь вспоминал, что они родственники, стал его заметно уважать. Теперь Георгия уже никто не посмел бы ударить, но и он, помня, как тяжело живётся мальчикам-ученикам, ни разу их не обидел. Возможно, Жуков так и пробыл бы до конца жизни шубным мастером, если бы через два года не началась Первая мировая война.

7 августа 1915 года его призвали в армию.

Унтер-офицер

Спустя неделю Жуков хорошо держал строевой шаг, умел чётко отдавать честь, не нарушая строй, поворачиваться по команде «налево», «направо» и «кругом», брать винтовку «на караул». А потом их посадили в вагоны и отправили в кавалерийский драгунский полк. Там Жуков получил кавалерийское снаряжение для себя и для лошади, а заодно и саму лошадь — очень упрямую кобылицу тёмно-серой масти.

— Будь с нею строгим, но добрым, — сказал ему старослужащий солдат. —

Разглядит в тебе человека — станет боевым другом.

И Жуков с солдатского завтрака припрятывал хлеб, чтобы угощать свою кобылицу. Он вставал в пять утра и сразу шёл к ней. После завтрака начиналось обучение конному делу. Его учили ездить рысью и в карьер, брать барьеры, владеть шашкой и пикой. Кобылица, почувствовав добрую, но твёрдую хозяйскую руку, нигде не подводила и смело возносила хозяина над высокими дощатыми заборами, перепрыгивала через траншеи и переплывала реку.

Через несколько месяцев Жуков стал лучшим в своей команде и его отправили учиться на унтер-офицера, то есть младшего офицера.

К началу 1917 года Россия устала от бессмысленной войны. На фронте не хватало снарядов для пушек, пулемётчикам часто было нечем стрелять. Солдат кормили плохо, они мёрзли и мокли в окопах и не могли понять, ради какой такой цели их пригнали на фронт. И когда в феврале в Петрограде началось восстание против царской власти, Николая

Второго не поддержал ни один командующий фронтом. Царь отказался от престола, и власть перешла к Временному правительству.

Георгий Жуков уже немало повоевал на фронте и за храбрость был награждён двумя Георгиевскими крестами. Товарищи считали его не только смелым, но и справедливым, и, как только стали выбирать председателя эскадронного комитета, все хором закричали:

— Жукова! Жукова нам в председатели.

С этого дня началась новая жизнь кавалериста Георгия Жукова.

Гражданскую войну он закончил командиром эскадрона, а весной 1923 года стал командиром кавалерийского полка. Ему было тогда двадцать шесть лет.

Скоро полк Жукова был назван лучшим в дивизии. Но сам он понимал, что воинских знаний ему не хватает. И, когда звучала команда «отбой», усаживался за воинские учебники. Разбирал сражения Первой мировой войны. Через год его направили в Ленинград, на Высшие кавалерийские курсы. Вместе с ним училось несколько командиров

других кавалерийских полков: Рокоссовский, Баграмян, Ерёменко. Все они стали потом прославленными маршалами. А тогда были молодыми командирами и, как Жуков, мечтали скорее овладеть воинским искусством.

Окончив на «отлично» курсы, Жуков снова стал командовать полком, а потом и кавалерийской бригадой — одновременно несколькими полками. И снова его бригада была лучшей в конной армии. Поэтому через несколько лет его вызвали в Москву. Он стал помощником инспектора кавалерии всех войск страны.

Халхин-Гол

Первое настоящее сражение Жуков вёл не в России, а в соседнем государстве — в Монголии.

Это произошло для него неожиданно, когда он был на Украине. 1 июня 1939 года ему приказали немедленно прибыть в столицу, а утром быть у наркома обороны, так называли тогда министров. А министром обороны был в тот год Ворошилов.

Жуков ехал в Москву с тревогой. В те времена внезапный вызов для

любого военного мог закончиться чем угодно — и неожиданным повышением, и внезапным арестом. На вокзале его встретил офицер по особым поручениям.

— Нарком уже ждёт. А я прикажу подготовить вам чемодан для дальней поездки, — загадочно сказал офицер, когда они сели в машину.

Тревога прошла лишь тогда, когда он вошёл в кабинет и нарком Ворошилов стал спрашивать о здоровье. Если человека хотят наказать, здоровьем его не интересуются.

— Японская армия внезапно напала на Монголию и заняла территорию у реки Халхин-Гол. Сколько вам требуется времени, чтобы вылететь в Монголию и принять на себя командование?

У Монголии и России был договор, по которому обе страны защищали друг друга.

— Готов лететь в эту минуту, — ответил Жуков.

Через час после приземления он уже ехал на место боевых событий. Ещё через несколько часов осматривал в бинокль расположение противника, встречался с командирами красноармейских

частей и монгольской армии. И понял, что тех сил, которые были у нашего корпуса, для разгрома врага не хватит. И хотя была поздняя ночь, послал донесение наркому Ворошилову. Он просил усилить авиацию, прислать три стрелковых дивизии, танковую бригаду и укрепить артиллерию. Только так можно было уничтожить отборные японские части, захватившие территорию справа от реки Халхин-Гол.

Ещё через несколько дней прилетели новые военные самолёты, а также группа знаменитых лётчиков — двадцать один Герой Советского Союза. Герои немедленно стали готовить молодых пилотов. И уже через неделю, когда японцы подняли в воздух 120 своих самолётов, им навстречу вылетели 95 советских истребителей. Над Монголией произошло огромное воздушное сражение. И Жуков с командного пункта наблюдал, как подбитые вражеские бомбардировщики один за другим врезались в барханы, а уцелевшие разворачивались и пытались удрать.

— Рассчитывали разгромить наши войска, — доложил Жуков в Москву, —

но теперь, благодаря лётчикам-героям, преимущество в воздухе за нами. Готовим разгром сухопутных частей.

Но вражеская армия не желала отступать. Ночью 3 июля японские части переправились через реку и заняли соседнюю гору, с которой можно было обстреливать всю округу. Жуков понял, что ждать рассвета нельзя: японские войска, захватившие правый берег реки, укрепят оборону. Он приказал поднять по тревоге все части, которые были поблизости. Танковой бригаде и полку артиллерии атаковать врага с ходу, а лётчикам, едва рассветёт, — бомбить захваченную японцами гору, а также непрерывно бомбить переправу через реку.

Скоро стало светать. Жукову удалось выяснить, что за ночь враги сумели переправить около 10 тысяч своих солдат и около сотни орудий. В распоряжении у него была лишь тысяча солдат и 50 орудий. Но зато было 150 танков и авиация. Однако авиация ещё оставалась и у врага. И тут по приказу Жукова в воздухе снова завязался грандиозный бой. А танковая бригада с ходу врезалась в расположение врага. При

этом советская артиллерия вела огонь по горе и переправе.

Такое было впервые. Жуков управлял одновременно всеми родами войск. Обычно в сражениях артиллерия, танкисты, авиация и пехота действовали отдельно, сами по себе. Да в прошлых войнах и не было ещё настоящей авиации и настоящих бронетанковых войск. Здесь же, на реке Халхин-Гол, произошло первое сражение, в котором части действовали согласованно, поддерживая друг друга. Бой длился весь день и следующую ночь. Лишь к утру японцев прижали к реке. Во всём снаряжении бросались они в реку и тут же тонули на глазах у советских танкистов.

Но враг не был разбит до конца. Мощные силы остались стоять на восточном берегу. Для проведения операции из Советского Союза срочно перебрасывались свежие части. От реки Халхин-Гол до железнодорожной станции, куда приходили грузы, было больше 600 километров пути по пустыне. Стояла жуткая жара, и по этой жаре водители подвозили на грузовиках многие тонны артиллерийских снарядов, горючее, продукты,

были переброшены ещё две стрелковые дивизии, танковая бригада и два артиллерийских полка.

Георгий Константинович продумал операцию до самых мелких деталей. Чтобы обмануть врага, он расставил десятки звуковых установок, которые имитировали полёт самолётов, движение танков, выстрелы. В первый день враги обстреливали из орудий любой участок, где слышали шум. Потом привыкли и перестали обращать на эти звуки внимание. Теперь начать движение могли и настоящие танки. Но двигались они только по ночам. Днём их прикрывали маскировочными сетками. Всё это делалось для того, чтобы японцы поверили, что советские войска готовятся к обороне, и атака стала бы для врага внезапной. И японское командование поверило. 20 августа 1939 года было воскресенье. Стояла тихая нежаркая погода. Японские командиры и генералы ещё накануне уехали отдыхать. Они ни о чём не догадывались. В 6.15 утра наша артиллерия внезапно открыла мощный огонь по зениткам противника. Специальными дымовыми снарядами отмечали цели, которые надо было

бомбить с воздуха. Тут же в небо поднялись 153 бомбардировщика и сотня истребителей. Ровно в 9.00 танковые части и пехота под прикрытием артиллерии перешли в наступление. Тяжёлые бои длились ещё двое суток. И японская армия была окончательно разгромлена.

Такой победы — с помощью авиации и танковых сил — у Красной армии ещё не было. Жуков вместе с особенно отличившимися воинами стал Героем Советского Союза, и, когда он вернулся в Москву, его назначили командовать самым большим военным округом страны — Киевским.

За несколько месяцев перед началом Великой Отечественной войны он был снова вызван в Москву и назначен начальником Генерального штаба Советской армии. Он знал, что война близка. Уже ощущал её дыхание. И всё же она началась неожиданно даже для него.

Тогдашний руководитель страны Иосиф Сталин страшился войны с самым могучим государством Европы и старался эту войну оттянуть. Весной 1941 года Германия сообщила России, что хочет устроить большие военные манёвры. К тому

времени Германия уже захватила Францию, Голландию, ещё несколько европейских стран и воевала с Англией.

— Необходимо привести войска у границы в полную боевую готовность, в этом меня поддерживает мой заместитель Василевский, — докладывал Жуков Сталину за неделю до начала войны.

— Вы сами хоть понимаете, к чему толкаете страну? — отвечал Сталин. — Провести в стране мобилизацию, поднять войска и двинуть к границам? Это же война!

Но ранним утром 22 июня 1941 года Германия обрушила на нашу страну свои дивизии.

Трудные месяцы

Шёл второй месяц войны. Германские войска, уже получившие отличный боевой опыт, с могучей техникой прорывались в глубину советской территории. Красная армия оборонялась, но отступала. Уже в первый день войны Жуков узнал, что гитлеровцы разбомбили почти всю нашу авиацию, которая была не готова к внезапному нападению. Фашистские воздушные армады могли теперь спокойно

громить русские города и огневые позиции, им нечем было ответить. Немецкие танковые корпуса, не маскируясь, словно на параде, шли по дорогам России, и у страны не было сил, чтобы их остановить.

Красная армия отчаянно сопротивлялась. В первые дни войны Гитлер объявил, что через месяц он отпразднует победу в Москве. Прошёл месяц, но до Москвы фашистам было далеко. Однако Жуков хорошо чувствовал страшную угрозу, которая нависла над всей страной.

Это были самые тяжёлые дни войны. Многие части с трудом вырывались из окружения. Сотни тысяч захороненных красноармейцев лежали на полях сражений. Сотни тысяч были взяты в плен. Не хватало всего, даже винтовок.

Жуков был на самых трудных участках фронта, как мог, задерживал наступление немецких армий, пытался организовать контратаки, но силы были слишком неравны.

Неожиданно его вызвали в Кремль.

— Вокруг Ленинграда создано трудное положение, — объявил Главнокомандующий Сталин. — Город окружён. Фашисты разбомбили склады с продоволь-

ствием. Ворошилов не справляется. Вылетайте в Ленинград, принимайте командование фронтом и Балтийским флотом.

Это решение было для Жукова неожиданным, но он мгновенно ответил:

— Я готов.

Утром 10 сентября Жуков вылетел с подмосковного аэродрома и через несколько часов приземлился в Ленинграде. В пути самолёт преследовали два «мессершмита», чтобы оторваться от них, пришлось лететь над самой водой Ладожского озера. По дороге он думал о Ворошилове. Он знал, что Сталин и Ворошилов были старыми друзьями. Но в новой войне Ворошилов показал себя никудышным командиром, хотя в Гражданскую был героем.

Когда Жуков прибыл в Смольный, руководители города Ворошилов и Жданов, расстелив на длинном столе карту Ленинграда, отмечали цветным карандашом заводы, которые они взорвут, когда фашисты прорвут оборону. Жуков вручил Ворошилову сталинскую записку, и в этот момент тревожно зазвонил телефон:

— Товарищ Ворошилов, немцы, немцы прорываются!

— Сейчас буду! — ответил Ворошилов.

— Подождите! — остановил его Жуков и взял трубку. — Доложите как следует, — скомандовал он. — Какие немцы, где, сколько их?

— Человек двадцать. В районе Пулкова.

Пулково было самым близким пригородом.

— Я — генерал армии Жуков. А вы кто такой?

— Командир роты...

— Из-за двадцати немцев вы звоните командующему фронту! — разъярился Жуков. — Поднимайте роту в атаку. Через полчаса доложить своему командиру полка.

Оказалось, что часто после таких звонков Ворошилов лично мчался на передовую и вёл за собой в атаку какую-нибудь часть. А в это время весь фронт оставался без командующего.

— План взрыва предприятий отменить, — скомандовал Жуков. — Я послан не для того, чтобы сдавать город. Вражеское наступление мы остановим.

Всю ночь он сидел над картой и обсуждал с командирами крупных

соединений, что противопоставить врагу. В те часы, пока он летел и пока добирался до Смольного, обстановка на позициях резко ухудшилась. Враг рвался к городу с нескольких сторон.

К утру, после того как Жуков выслушал доклады командиров, он вместе с ними сформулировал план обороны Ленинграда. Положение было критическим, но при этом у города оставались резервы. Войскам остро не хватало противотанковых орудий, чтобы сопротивляться фашистским танкам. Но было много зениток. Часть их Жуков немедленно приказал выставить на линию фронта. Они стреляли прямой наводкой по наступающим танкам и пробивали танковую броню. Фронту не хватало воинов, но в Кронштадте стояли корабли, которые никуда плыть не собирались. Из матросов он приказал создать воинские части. А могучим корабельным орудиям, стреляющим на большие расстояния, бить по вражеским укреплениям. Часть орудий он приказал снять и перевезти туда, где они были нужны больше всего. Даже с корабля-музея, крейсера «Аврора», были сняты пушки и перевезены на фронт.

Скоро разведка доложила Жукову, что фашисты стали утеплять свои блиндажи, рыть новые землянки, а вдоль переднего края расставлять мины. Это значило, что от наступления фашисты перешли к обороне. Город отстоять удалось. Хотя бы на время. Ещё через несколько дней разведка сообщила, что крупные танковые соединения противника из-под Ленинграда двинулись в сторону Москвы. Начиналась битва — за Москву.

5 октября Сталин срочно вызвал Жукова в столицу.

Отступать некуда

В эти дни гитлеровские армии огромными танковыми клиньями в разных местах вспороли нашу оборону и устремились к Москве. Во вражеском тылу оказались дивизии, даже армии и фронты. Они с боями пытались прорваться, чтобы соединиться с основными войсками, но счастье выпадало немногим. Большинство воинов погибали или попадали в плен.

Всё это Жуков понял из короткого разговора со Сталиным.

Сталин был простужен, плохо выглядел и работал дома.

— Сложилась очень тяжёлая обстановка. Мы даже не знаем толком о положении Западного и Резервного фронтов. Поезжайте, разберитесь и немедленно звоните.

Штаб Западного фронта Жуков отыскал глубокой ночью. В штабе при свечах шло заседание военного совета. Оттуда он позвонил Сталину.

— Главная опасность на Можайской линии, — доложил Жуков. — Там могут внезапно появиться танки противника. Надо как можно скорее стягивать туда войска.

— А где сейчас 19-я и 20-я армии Западного фронта? Надо в первую очередь послать их.

— Они окружены, — ответил Жуков.

— Тогда направьте 24-ю и 32-ю армии Резервного фронта!

— Они тоже окружены в районе Вязьмы, — проговорил Жуков.

— Что вы намерены делать?

— Еду в штаб Резервного фронта.

Светало. Моросил мелкий дождь. Жуков не спал уже третьи сутки. Но сейчас было не до сна. Надо было сделать всё, чтобы спасти Москву. Он проехал большое расстояние и не встретил ни

одного военного. Стоит здесь прорваться фашистским танкам, и путь к столице будет открыт.

Наконец машину внезапно остановили солдаты в комбинезонах и танкистских шлемах:

— Дальше ехать нельзя. Там немцы. Вы кто будете?

В лесу стояла танковая бригада.

— Товарищ Жуков! — обрадовался её командир. — Я же под вашим началом под Халхин-Голом воевал. Ну, теперь-то мы не пропадём! Какие будут приказания?

— Разверните часть бригады и организуйте оборону дороги. Чтобы ни один вражеский танк здесь не прошёл. Доложите в Генштаб о полученном от меня приказе и сообщите, что я поехал в Калугу.

В районе Калуги Жукова отыскал офицер связи и передал приказ о том, что он назначается командующим Резервным фронтом.

10 октября его вызвал к телефону Сталин.

— Принимайте команду обоими фронтами. Сделайте всё возможное, чтобы противник не прорвался к Москве.

С 13 октября на всех направлениях, ведущих к столице, разгорелись жестокие бои.

Сил для обороны не хватало.

Многие тысячи московских женщин и школьников под проливными дождями и стылым осенним ветром рыли укрепления, ставили противотанковые надолбы. Каждый день Москва собирала ополчение и отправляла на фронт вчерашних старшеклассников и пожилых мужчин. Плохо обученные, они задерживали врага на день-два, иногда всего на несколько часов, а потом гибли, но и этого подвига было достаточно — на их место вставляли новые москвичи, чтобы ещё на несколько часов задержать врага.

Жуков метался по фронту, затыкал дыры свежими силами, фронт изгибался дугой, но прорвать его фашистам не удавалось.

Так проходила неделя за неделей.

В Москве на Красной площади 7 ноября, к изумлению всего мира, прошёл даже военный парад. И воинские части прямо с площади уходили на фронт.

В середине ноября Жукову позвонил Сталин.

— Вы уверены, что мы удержим Москву? Говорите честно.

В этот момент земля как раз слегка дрогнула. Это рядом с блиндажом, где помещался узел связи фронта, разорвался вражеский снаряд.

— Что там у вас за треск на линии? — спросил недовольно Главнокомандующий.

— Снаряд случайный залетел, — успокоил Жуков. — А Москву мы, безусловно, удержим. Только нужно ещё две армии и хотя бы двести танков.

— Это хорошо, что у вас такая уверенность. Две резервных армии мы вам дадим, а танков пока нет.

Гитлер бросил в битву за Москву лучшие силы. Они с остервенением шли в бой, им даже удавалось немного продвинуться, а потом защитники Москвы отбрасывали их назад. Объезжая фронт, Жуков видел почерневшие от пороховой гари лица, запавшие от бессонницы глаза бойцов и командиров, все они словно спрашивали, когда же кончится этот ад, когда истощатся у врага силы. У него самого тоже было точно такое же лицо, и он мог лишь просить их: потерпите

ещё немного, ещё чуть-чуть. Главной тайной, которую знал лишь он и ещё несколько человек, Жуков до поры поделиться не мог.

Из Сибири, с Урала, из глубины России подтягивались свежие части, новая боевая техника. Оставалось дожидаться, когда энергия фашистов иссякнет, и перейти в наступление.

29 ноября разведчики доставили несколько плененных офицеров. Выглядели они жалко. Гитлер был уверен, что война займёт одно лето, и не позаботился о тёплой одежде. Дни стояли морозные, и головы офицеров были замотаны в старушечьи вязаные платки, отнятые у деревенских жительниц. Жуков коротко допросил горе-воjak и, позвонив Сталину, сообщил, что можно отдать приказ о наступлении.

За первое полугодие войны это была первая большая победа! Потрёпанные немецкие части, огрызаясь, отступали от Москвы. Все счастливо улыбались, радовались победе. Поздравляли друг друга. Но Жуков понимал, что главные силы фашистов не уничтожены и впереди немало тяжёлых сражений.

Два грандиозных сражения

Гитлеровские генералы не смогли взять Москву и Ленинград, поэтому они переменили планы и устремились к Волге. По Волге шли все грузы с юга на север. А захватив Волгу, можно было прорваться к уральским заводам, откуда для фронта поступали танки и самолёты.

У фашистов по-прежнему было огромное преимущество, и поэтому летом их войскам частично удалось выполнить свой план: их армии прорвались к Волге, к городу Сталинграду. Защитники Сталинграда обороняли каждый камень, каждую полуразрушенную стену. Однако наступил момент, когда фашисты после ещё одного-двух натисков вышли бы к Волге.

И тут снова потребовался маршал Жуков.

— Назначаю вас своим заместителем. Немедленно вылетайте в Сталинград.

Защитникам прежде всего была необходима помощь. В некоторых местах они удерживали лишь узкую полосу вдоль берега. Берег был весь изрыт окопами, блиндажами и ходами сообщения.

Но немедленно требовались свежие силы. Жуков сообщил обо всём в Москву, и в помощь городу были выделены три армии. К противоположному берегу подходила только что созданная танковая армия.

Для координации действий войск был направлен и генерал-полковник Василевский. К осени у него и Жукова появился план контрнаступления. По флангам немецких армий, пытавшихся взять город, с обеих сторон стояли слабые румынские дивизии. Если с двух сторон прорвать оборону румынских частей, можно взять фашистов в кольцо. Прилетев в Москву, они доложили о плане Сталину. Сталин сначала отмахнулся от неожиданного плана: какое наступление — Сталинград бы удержать. Но Жуков и Василевский продолжали прорабатывать детали, и постепенно план становился всё чётче. Тогда в него поверил и Сталин. В полной тайне от немцев началась подготовка свежих сил. О том, для чего они собираются, не знали сначала даже командующие фронтами. Одновременно Жуков и Василевский внимательно изучали расположение войск противника. Судя по

всему, фашистское командование по-прежнему ни о чём не догадывалось. Командовал вражеской армией знаменитый фельдмаршал Паулюс. И когда 19 ноября 1942 года в 7.30 утра наши войска прорвали оборону и начали окружать фашистов, он в первую минуту не поверил.

Гитлер послал на выручку им танковый корпус генерал-фельдмаршала Манштейна. Но Василевский заблаговременно выставил на его пути заслон. У окружённых фашистов заканчивались боеприпасы и продовольствие, а когда были съедены все лошади, они перестали ждать обещанную Гитлером помощь. 31 января командующий армией генерал-фельдмаршал Паулюс вышел из своего блиндажа с поднятыми руками.

Битва под Сталинградом стала первым грандиозным поражением германских войск во Второй мировой войне. Фашистская армия потеряла больше полутора миллионов человек. Никогда за всю историю немецкого народа не было случая столь страшной гибели такого количества войск. И по всей Германии был объявлен траур.

Битва на Волге помогла всем фронтам. Под Ленинградом под управлением командующего фронтом Леонида Говорова была прорвана блокада, и по узкому сухопутному коридору в голодающий город пошли продукты, боеприпасы. Наши войска освободили от фашистов Курск, Харьков, Ростов.

И всё же фашистские армии были ещё сильны. Поэтому к лету они наметили новое наступление. Они даже сумели снова захватить Харьков.

О наступлении думал и Жуков. И та, и другая армии планировали провести его в одном и том же месте — в районе Курской дуги.

Немецкие генералы за весну сосредоточили в районе Орла и Курска гигантские воинские силы. Ни в одном сражении XX века не участвовало такое количество танков, самолётов и пушек. «Наши танковые армии пробьют любую оборону противника, рассекут её на части, и миллионы русских солдат снова попадут в плен», — уверяли Гитлера.

И, если бы все люди нашей страны со страшным напряжением не работали

с первых недель войны, так бы и случилось. Но на уральских заводах день и ночь трудились дети, жёны и матери солдат, ушедших на фронт. Во всех военных цехах готовили оружие для победы.

Поэтому впервые Красная армия смогла выставить больше вооружения, чем было у фашистов. Немцы об этом не догадывались, но Жуков знал и был уверен в победе. Между Орлом и Курском стояли в готовности четыре фронта. Чтобы врагу не удалось пробить оборону своими танковыми клиньями, на много километров в глубину построили оборонительные сооружения. В начале июля Жуков в последний раз объезжал фронты и проверял готовность частей. В машине вместе с ним ехал командующий фронтом. Они остановились в леске, и Жуков приказал:

— Ждите здесь, а я дальше один. Хочу убедиться, что местность для рывка наших танков выбрана правильно.

Много лет назад драгунский унтер-офицер Георгий Жуков полз, прижимаясь к земле, впереди группы разведчиков к вражеским окопам, чтобы захватить «языка». И точно так же маршал пополз

в этот час по-пластунски через поросшее травой поле на нейтральную полосу. Следом за ним, забросив автомат за спину, полз лишь начальник его охраны, майор.

— Товарищ маршал! Товарищ маршал! — растерянно повторял он. — Разве можно так рисковать!

Но Жуков заползал на очередной пригорок, рассматривал в бинокль местность, согласно кивал головой, а потом полз дальше. На обратном пути их заметили немцы и открыли по ним огонь. Одна мина взорвалась сзади, другая впереди.

— Прижмись к земле, голову спрячь! — скомандовал Жуков. — Сейчас будет наша мина!

И точно: мина взорвалась совсем рядом — в нескольких метрах от них. Их обоих подбросило в воздух, засыпало землёй.

— Позицию выбрали правильно, — проговорил довольный Жуков, когда они вернулись в лесок к машине. — Только меня немного контузило.

После этой контузии маршал несколько недель плохо слышал, так что из Москвы прилетал лечить его врач.

По плану, который разработали командующие фронтами вместе с Жуковым и Василевским, полагалось сначала измотать фашистов, уничтожить их ударные силы, а потом самим перейти в атаку. Но Жуков предложил ещё и неожиданное. Разведка должна точно выяснить день и час немецкого наступления. И в тот момент, когда враги сгруппируются, первыми начать массированный обстрел. Это сразу скомкает планы фашистов.

Маршалу Рокоссовскому удалось выяснить, что 5 июля 1943 года в 3 часа утра враги пойдут в наступление. Жуков предложил начать контрподготовку на 40 минут раньше — в 2 часа 20 минут.

Это величайшее сражение истории назвали Битвой на Курской дуге. На огромном расстоянии земля содрогалась от многих тысяч разрывов снарядов и бомб. В адском грохоте невозможно было слышать крик человека. Гул сотен авиационных моторов слился с гулом тысяч танков.

Но и у немцев командовали битвой опытные маршалы. Оправившись после неожиданного налёта, они бросили в битву все свои накопленные резервы. Несмотря

на героическое сопротивление, на некоторых участках фронта наши войска слегка подались назад — но не намного, лишь на несколько километров. Однако Жуков уже чувствовал, что планы гитлеровцев сорваны. Измолотив за несколько дней отборные фашистские части, наши армии перешли в контрнаступление.

С тех пор гитлеровцы, яростно огрызаясь, могли только отступать. А советские войска, пройдя захваченную немцами территорию собственной страны, стали освобождать от фашистов одно европейское государство за другим. В апреле 1945 года война докатилась и до Берлина.

Весна Победы

30 апреля 1945 года в 15 часов 50 минут Гитлер покончил с собой, и тело его было сожжено в костре. В ночь с 8 на 9 мая оставшиеся в живых генералы — наследники Гитлера — подписали акт о полной капитуляции.

В восточной части Берлина в уцелевшем двухэтажном здании немецкого военно-инженерного училища маршал Жуков

приказал приготовить зал. Ровно в 24 часа он вместе с представителями союзников — американскими, английскими и французскими генералами — вошёл в этот зал, стены которого украшали государственные знамёна Советского Союза, а также США, Великобритании и Франции. Все сели за стол. За другими длинными столами, накрытыми зелёным сукном, расположились прославленные в боях советские полководцы. В эту торжественную минуту все смотрели на Жукова. Он встал и, стараясь сдержать волнение, начал речь. Через несколько минут по его приказу ввели ближайшего сподвижника Гитлера — генерал-фельдмаршала Кейтеля. Это был уже не тот надменный Кейтель, который несколько лет назад принимал капитуляцию от побеждённой Франции, хвастливо заявлял, что может за несколько дней разгромить Англию, за полтора-два месяца разбить Советский Союз, а потом овладеть всем пространством земного шара. Кейтеля сопровождали другие высокие чины фашистской армии. Всех их посадили недалеко от входа за отдельный стол.

— Предлагаю немецкой делегации подойти сюда, к столу. Здесь вы подпишете акт о безоговорочной капитуляции Германии, — строго сказал Жуков.

Наступала самая великая минута XX века. Многие сотни журналистов, кинорепортёров сохранили её в памяти человечества. 9 мая 1945 года в 0 часов 43 минуты, подписав акт о капитуляции, склонив головы, фашистские генералы вышли из зала.

В эту же ночь, узнав о счастливой вести, во всех городах Советского Союза люди вышли на улицы. Многие смеялись и плакали от радости, обнимали знакомых и незнакомых, вспоминали тех, кто погиб ради этих дорогих минут. И многим казалось, что теперь наступит долгая, мирная и очень счастливая жизнь.

24 июня 1945 года, через четыре года со дня, когда фашистская Германия обрушила свои дивизии на нашу страну, на Красной площади в Москве прошёл Парад победителей.

В это утро маршал Жуков проснулся рано. Ему было поручено принять Парад. Без трёх минут десять он, бывший

кавалерист, был уже у Спасских ворот Кремля верхом на белом коне. Другой прославленный маршал, Рокоссовский, командовал Парадом. В этот день двести героев войны под грохот барабанов бросили в позорную кучу знамёна фашистских вояк.

Как было положено, Рокоссовский дал команду «смирно» и подъехал к Жукову с докладом о том, что Парад победителей построен. А дальше оба маршала стали объезжать выстроенные на Парад части. Здесь, на Красной площади, в тот день стояли воины, которые прошли через страшные испытания. И каждый из них был настоящим героем. Однако Жуков, вглядываясь в их лица, не видел ничего особенного, героического. Это были обыкновенные крестьяне, рабочие, инженеры, студенты, которых враги на несколько лет оторвали от мирной жизни. А теперь, отстояв свою страну, бережно сложив свои гимнастёрки, они снова собирались стать самыми обычными людьми. Московские тротуары в тот день заполнили тысячи жителей, которые тоже пришли на Парад Победы. Среди них были и дети — малыши и те, что взрослее.

И маршал Жуков, продолжая объезжать Парад, неожиданно обратил внимание на деревенского мальчика. Было ему лет двенадцать. В серой кепке, надвинутой на глаза, в заплатанных штанах, он не выделялся из толпы, был невысокого роста, но широк в плечах, а главное — смотрел на мир уверенно, твёрдо. И неожиданно прославленному полководцу показалось, что этот мальчик — он сам. Это он приехал в столицу, чтобы начать новую жизнь.

